

Ленинградские страницы

Блокадные воспоминания написаны двумя сёстрами – ГИНЗБУРГ Симой Борисовной и БЕРГЕР Розой Борисовной (публикуются в сокращении)

Продолжение. Начало в № 2, 2012

БУРЖУЙКА

Осенью 1941 года в Ленинграде было отключено электричество, умолкло радио – чёрная тарелка на шкафу. Раздавался лишь стук метронома, который прерывался только объявлениями о воздушной тревоге. Надрывно и тревожно выла сирена: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» До сих пор на моём слуху её протяжный и неистовый вой!

Нас больше не будил по утрам раскатистый и могучий бас Марка Рейзена песней «Широка страна моя родная!». Умолк и голос Юрия Левитана – главного диктора Советского Союза, ещё недавно объявившего начало Великой Отечественной войны и регулярно передававшего по радио сводки военных действий от Советского Информбюро. Город погрузился во тьму и тревожную тишину, которую нарушали неистовый визг падающих бомб, свист снарядов, треск зениток.

Во время налёта или обстрела жильцы нашего дома спешно спускались в бомбоубежище, которое было устроено в подвале лестницы, расположенной вправо от входных ворот. В убежище стояли койки, топчаны, лежали одеяла и тёплая одежда, тускло горели коптилки, если у кого-то оказывалась спичка.

Во время тревоги наш управхоз или управдом Тарасова выносила ручную сирену в первый двор, объявляя о надвигавшейся опасности и отправляя жильцов дома в укрытие. Бывали дни, когда одна тревога сменялась другой, тогда людям приходилось там находиться по несколько дней.

С приближением зимы становилось холодно. Зима 1941/42 выдалась особенно морозной. Отопление в доме было дровяное. В нашей большей комнате была высокая красивая печь, облицованная

Буржуйка

шла в парадный подъезд и стала подниматься на второй этаж. Когда я уже почти достигла площадки, где жили эти люди, в это время внизу входная в подъезд дверь хлопнула, и я почувствовала, что за мной кто-то идёт. Я оглянулась и увидела Геньку – мальчишку с нашего двора, моего сверстника. Он вдруг схватил меня сзади и повалил на спину со словами: «Отдай хлеб!». Я очень испугалась, стала кричать и на спине доползла до нужной мне двери, крепко прижимая к груди драгоценную ношу и стуча ногами в дверь. Тут же выбежали люди из квартиры и меня освободили, а потом довели до дома.

Как оценить этот поступок? Мы с Генькой раньше играли вместе во дворе, знали друг друга. В нормальных условиях он бы не сделал такого!

Я же в нормальных человеческих условиях угодила бы голодного мальчишку или даже отдала бы ему весь свой хлеб. Однако чувство самосохранения, «блокадная» психика, страх потерять съедобное, особенно ХЛЕБ, ответственность перед моей семьей, которая могла бы погибнуть без этого хлеба, побудили меня прогнать Геньку. И весь этот эпизод является ещё одним доказательством того, что больные голодом, истощённые люди были больны и психически, не отдавая отчёта своим поступкам, движимые мучительным чувством голода. Я с тех пор не люблю, когда за мной кто-то близко идёт...

Конечно, было много мошенничества, грабежа, эти «люди» пользовались безвыходным положением других и наживались на этом. Одни спасали детей и относили их в детские приёмники, принимали роды во время бомбёжки, навещали больных, другие же – выкапывали с огромным трудом похороненные трупы, особенно детские и хоронили их.

1941/42 выдавалась особенно морозной. Отопление в доме было дровяное. В нашей большей комнате была высокая красивая печь, облицованная белым кафелем, в меньшей комнате – круглая из ребристого железа. Однако печи потребляли большое количество дров, а их было заготовлено недостаточно. Нужно было экономить (слова «экономить», «экономно» прочно вошли в наш словарный запас).

С этой целью у нас появилась печка-буржуйка. Сконструированная из железа, она была прямоугольной формы, с дверцей-топкой для дров и стояла на ножках у кафельной печи, в которую была вставлена труба буржуйки. Она обогревала комнату, а на её поверхности готовилась еда в кастрюльках, кипятилась вода. Когда дров не хватало, приходилось сжигать и ме-

Примус

Блокадный хлеб

других и наживались на этом. Одни спасали детей и относили их в детские приёмники, принимали роды во время бомбёжки, навещали больных, другие же – выкапывали с огромным трудом похороненные трупы, особенно детские, и торговали этим мясом. Страшно, но необходимо об этом говорить. К сожалению, это БЫЛО! Этим «людям», бесспорно, нет прощения!

Постепенно мы перестали выходить из квартиры, не реагировали даже на объявления о воздушной тревоге. Помогали только маме приносить воду с Фонтанки, выносить ведро. Очень хотелось есть! Мы съели все запасы продуктов, которых было немного, затем мама купила на толкучке около булочной плитки дуранды

ки. Она обогревала комнату, а на её поверхности готовилась еда в кастрюльках, кипятилась вода. Когда дров не хватало, приходилось сжигать и мебель, и лишние предметы обихода – всё, что могло гореть и давать обогрев.

Примус

Мы, дети, сидели в нашей тёмной, вымороженной комнате вокруг этой печки, одетые в зимние пальто, шапки и валенки, закутанные в ватные одеяла, и ждали момента, когда нас мама покормит. Спали мы в этой же одежде, не раздеваясь, и под грудой одеял не могли согреться. Для нас не существовало ни дня, ни ночи.

Было оглянуто не только электричество, но и водопровод. Город было без света, без воды, без туалетов. Нужду сыю справляли в стоявшее в кухне ведро, которое тут же замерзало. Мы с мамой ходили на Фонтанку за водой, черпали из проруби эту мутную пахучую воду и, скользя и падая, боясь расплескать, поднимали застывшими руками тяжёлые бидоны, вёдра и чайники на четвёртый этаж.

В начале зимы наша семья пополнилась: к нам переехала папина сестра, наша тётя, с маленькой дочкой Галкой и мамой, нашей бабушкой. Приехали они с Фонарного переулка, дом 3. У них не было достаточного количества дров для отопления комнаты в коммунальной квартире. Муж тёти воевал на Пулковских высотах, где и вскоре погиб на поле боя.

Жили мы все в одной комнате, при свете коптилки даже днём, так как окна были плотно замаскированы, обогреваясь с помощью буржуйки.

Днём и ночью наша мама и тётя, вместе с другими женщинами и подростками, с противогазом и красной повязкой на рукавах, дежурили у ворот и на крышах нашего и соседних домов. Мы с сестрой тоже там бывали, во многом помогаая взрослым. В обязанности дежурных входило: следить за происходящими событиями, помогать пешеходам, попавшим под обстрел, за маскировкой, чтобы во время тревоги люди не выходили на улицу, наблюдать за всеми, кто входил и выходил из домов, вылавливать ракетчиков и диверсантов, подозрительных отправляли на милицейский пост. Людям не разрешалось отвечать на вопросы прохожих, указывать дорогу или направление.

Мы, пятеро детей, оставались дома на попечении бабушки.

ХЛЕБ

В начале зимы мы ещё выходили на улицу по обедневшей, неосвещённой лестнице – на Садовую, Прядильную и на Фонтанку: было пустынно, на дорогах и панелях лежали высокие сугробы – некому было убирать.

Транспорт не работал, на Садовой стояли застывшие трамваи. Редкие прохожие – обессиленные, больные, изголодавшиеся люди тонули в снегу, еле передвигая опухшие от голода ноги. Кто-то вскрикивал в агонии, или раздавался тихий стон – человек падал и больше не поднимался. В булочной, которая находилась на набережной Фонтанки, женщина кричала в ужасе: у неё украли карточки – это означало голодную смерть, иногда для всей её семьи! Выхватывали и хлеб и заправляли его в рот – тут уж никто не отнимет! Я не осуждаю этих людей – это была их болезнь. Одни люди могли терпеть голод, продолжали ходить пешком на работу, работали на благо победы, однако голод оказывал влияние на психику и поведение других людей, у них нарушались мыслительные процессы, они теряли контроль над собственным поведением, голод подавлял их волю. Однажды в нашу дверь постучалась соседка с пятого этажа, она просила воды напиться. Мама дала ей воды из ведра, а она и говорит: «Муж вчера умер. Наш Колька (её сын, мой ровесник) украл все наши карточки, и мне нечего есть». Мама покормила её, чем могла. На следующий день эта женщина умерла. Через несколько дней я, спускаясь по нашей лестнице, резко остановилась: увидела труп Кольки, завёрнутый в простыню.

Ближе к весне в Ленинграде были немного повышены нормы выдачи хлеба. Хлеб был исключительно белый, но мы тогда ещё не знали, что в тесто добавлялась целлюлоза.

Однажды мы с мамой возвращались из булочной, я несла формовой хлеб с довеском (буханки взвешивали на весах). Мама пошла к нам домой, меня же попросила зайти к Сандаловским с какой-то просьбой. Сандаловские жили на втором этаже в парадной напротив ворот и рядом с гаражом. Я во-

Блокадный хлеб

которые было немного, затём мама купила на толкучке около булочной плитки дуранды

(жмых для корма скота), её называли «блокадным шоколадом». Мама варила на буржуйке «студень» из столярного клея и разливала его по тарелкам. От него шёл ужасный, крепкий запах, но, заправленный лавровым листом, он становился более съедобным.

Появился ещё один блокадный продукт: на Бадаевских складах во время бомбёжки и пожара был растоплен хранившийся там сахар. Земля вокруг складов пропиталась сладким сиропом, который смешался с землёй и хрустел. Люди долго копали землю на том месте, собирали эту массу, черпали, чем придётся, и несли домой. Мама купила её на толкучке: она напминала сырковую массу, только была чёрного цвета и неприятно хрустела. Мы также ели бурду из дрожжей.

Как нам ни тяжело, мы постараемся описать то мучительное чувство, которое называется «ГОЛОД». Это не только состояние организма, вызванное недостаточным поступлением необходимых веществ. Сидя около «буржуйки» в ожидании еды, находясь в зимней верхней одежде в кровати, мы не могли совладать с этим чувством голода: нам не давали покоя мысли о еде, они не уходили, мучили. Мы истерически прыгали и качались из стороны в сторону в агонии на застывшей кровати, чтобы заглушить это навязчивое чувство. Мы жорили себя за то, что когда-то, до войны, не доели пирожное или плюшку.

Хотелось только хлеба!

Мы собирали его крошки со стола, боясь пропустить хоть одну, перед глазами неотступно стояла ТЁПЛАЯ БУХАНКА! Роза вспоминает: «У нас были голодные видения, галлюцинации, непрерывные, доводящие до безумия мысли о еде. Лежа на ледяной подушке, до боли в желудке, до умопомешательства мы бредили в полусне о горячей буханке хлеба или о школьной булочке-слойке или крендельке, которые когда-то не доели. Я думала о том, что когда кончится война и будет много хлеба, я спрячу кусочек, а когда он понадобится – я его найду».

Продолжение следует